

Стивен Кинг

Обезьяна

Часть сборника
Команда скелетов (сборник)

Стивен Кинг

Обезьяна

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123607
Команда скелетов: АСТ; Москва; 1997
ISBN 5-15-000774-9, 5-237-01158-6, 5-17-003123-8

Аннотация

«Она бросилась в глаза Хэлу Шелберну, когда его сын Деннис извлек ее из заплесневелой картонки «Ролстон-Пурина», задвинутой глубоко под чердачное стропило, и на него нахлынуло такое омерзение, такое отчаяние, что он чуть не закричал. И прижал кулак ко рту, загоняя крик обратно... И лишь покашлял в кулак. Ни Терри, ни Деннис ничего не заметили, но Пит недоуменно оглянулся...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Стивен Кинг

Обезьяна

1

Она бросилась в глаза Хэлу Шелберну, когда его сын Деннис извлек ее из заплесневелой картонки «Ролстон-Пурина», задвинутой глубоко под чердачное стропило, и на него нахлынуло такое омерзение, такое отчаяние, что он чуть не закричал. И прижал кулак ко рту, загоняя крик обратно... И лишь покашлял в кулак. Ни Терри, ни Деннис ничего не заметили, но Пит недоуменно оглянулся.

– Э-эй, клево! – сказал Деннис с уважением. В разговорах с сыном Хэл теперь редко слышал от него этот тон. Деннису шел тринадцатый год.

– А это что? – спросил Питер и снова посмотрел на отца, но тут же его глаза, как магнитом, притянула находка старшего брата. – Папа, что это?

– Да обезьяна же, пердунчик безмозглый, – сказал Деннис. – Ты что, обезьян никогда не видел?

– Не называй брата пердунчиком, – привычно сказала Терри и наклонилась над коробкой с занавесками. Занавески осклизли от плесени, и она брезгливо выпустила их из рук. – Брр!

– Можно я ее возьму, папа? – спросил Питер. Ему было

¹ The Monkey. У Stephen King, 1980. У 1997. И. Гурова. Перевод с английского.

девять.

– Чего-чего? – вскинулся Деннис. – Ее я нашел!

– Мальчики, перестаньте, – сказала Терри. – У меня голова разбалчивается.

Хэл их не слышал. Обезьяна словно тянулась к нему из рук его старшего сына, скалясь в такой знакомой ухмылке – той, которая преследовала его в кошмарах все детские годы, преследовала, пока он не...

Снаружи на крышу налетел порыв холодного ветра, и бесплотные губы протяжно засвистели в старый ржавый водосток. Пит шагнул поближе к отцу, его взгляд тревожно заметался по грубому чердачному потолку в шляпках гвоздей точно в рябинах.

– Кто это там, папа? – спросил он, когда посвист замер в глухих всхлипываниях.

– Просто ветер, – ответил Хэл, не отводя глаз от обезьяны. В слабом свете единственной лампочки без абажура медные тарелки в ее лапах, раздвинутых примерно на фут, больше смахивали на полумесяцы, чем на диски. Они были неподвижны, и он добавил машинально: – Ветер свистит, а самого простого мотивчика не высвистит.

Внезапно он сообразил, что повторил присловье дяди Уилла, и его пробрала холодная дрожь.

Вновь раздалась та же нота – с Кристального озера налетел по длинной крутой дуге еще один порыв ветра и задрожал в водостоке. Полдюжечка сквознячков защекотали лицо Хэла

холодным октябрьским воздухом. Черт! Чердак был так похож на чуланчик в старом хартфордском доме, что они словно перенеслись на тридцать лет назад во времени.

Не стану думать об этом!

Но конечно, ни о чем другом он думать не мог.

В кладовке, где я нашел проклятую обезьяну в этой же самой картонке.

Терри отошла к деревянному ящику со всякими безделушками – двигалась она вперевалку из-за крутого наклона крыши.

– Она мне не нравится, – сказал Пит и ухватился за руку Хэла. – Пусть ее берет Деннис, если хочет. Папа, может, уйдем отсюда?

– Привидений струсил, говнюшка цыплячья? – осведомился Деннис.

– Деннис, прекрати, – рассеянно сказала Терри и вынула почти прозрачную фарфоровую чашечку с китайским рисунком. – Очень милая. Это...

Хэл увидел, что Деннис нащупал заводной ключ в обезьяньей спине.

– Нет! Не надо! – Ужас окутал его черными крыльями, голос у него невольно сорвался на крик, и он вырвал обезьяну у Денниса, неожиданно для себя. Деннис испуганно оглянулся. Терри тоже поглядела через плечо, а Пит поднял на него глаза. Мгновение они все молчали, а ветер снова засвистел, на этот раз очень тихо, будто было это нежеланным пригла-

шением.

– То есть она, наверное, сломана, – сказал Хэл.

Она и была сломана... пока это ее устраивало.

– Мог бы и не вырывать так, – сказал Деннис.

– Деннис, замолчи!

Деннис заморгал и даже, казалось, смутился. Хэл уже очень давно не говорил с ним так резко. С тех самых пор, как потерял работу в Нэшнл аэродайн в Калифорнии два года назад и они не переехали в Техас. Деннис решил не нажимать... пока. И повернулся к картонке Ролстон-Пурина, снова принялся в ней рыться, но там не оказалось больше ничего, кроме хлама... старые игрушки, кровоточащие сломанными пружинками и набивкой.

Ветер теперь звучал громче, завывал, а не посвистывал. Чердак начал тихонько поскрипывать, словно кто-то ступал по разохшимся половицам.

– Папочка, ну, пожалуйста? – попросил Пит так, чтобы услышать его мог только отец.

– Да-да, – сказал Хэл. – Терри, пойдем.

– Я еще не кончила...

– Я сказал пойдем!

Теперь настала ее очередь испугаться.

Они сняли в мотеле номер с двумя смежными комнатами. В десять вечера мальчики уже крепко спали в своей, а Терри уснула в другой – для взрослых. На обратном пути из дома в Каско она приняла две таблетки валиума. Чтобы помешать

нервам довести ее до мигрени. Последнее время она то и дело принимала валиум. Началось это примерно тогда, когда «Нэшнл аэролайн» уволила Хэла. Последние два года он работал в «Техас инструментс» – на четыре тысячи долларов в год меньше, но это была работа. Он говорил Терри, что им повезло. Она соглашалась. Сколько системных программистов живут сейчас на пособие по безработице, – сказал он. Она согласилась. Дома компании в Арнетт были ничуть не хуже, чем их дом во Фресно, – сказал он. Она согласилась, но он подумал, что, соглашаясь, она кривила душой.

И он терял Денниса. Он чувствовал, как мальчик отдаляется, до времени обретя скорость убегания, – прощай, Деннис, бывай, незнакомец, было очень приятно посидеть с вами в этом купе. Терри сказала, что ей кажется, мальчик курит марихуану. Она иногда улавливает запах. Ты должен поговорить с ним, Хэл. И он согласился, но еще не поговорил.

Мальчики спали. Терри спала. Хэл прошел в ванную, запер дверь, сел на опущенную крышку унитаза и посмотрел на обезьяну.

Было отвратительно ощущать ее в пальцах – этот мягонький бурый короткий мех, там и сям в пролысинах. Он ненавидел ее ухмылку – эта макака ухмыляется будто черномазый, сказал как-то дядя Уилл, но ухмылялась она не как черномазый и даже вообще не по-человечески. Не ухмылка, а оскал, и если повернешь ключ, губы задвигаются, зубы словно вырастут – зубы вампира, губы начнут извиваться, а та-

релки – ударяться друг о друга, дурацкая обезьяна, дурацкая заводная обезьяна, дурацкая, дурацкая...

Он уронил ее. У него затряслись руки, и он ее уронил.

Ключ звякнул о выложенный плиткой пол. В тишине звук этот показался оглушительным. А она ухмылялась ему, и ее мутно-янтарные глаза, кукольные глаза, были полны крестиничного злорадства, и медные тарелки разведены, словно чтобы грянуть марш какого-то адского оркестра. На обратной стороне были выдавлены слова «Сделано в Гонконге».

– Ты не можешь быть здесь, – прошептал он. – Я бросил тебя в колодец, когда мне было девять.

Обезьяна ухмылялась ему с пола.

В ночи снаружи черное ведро ветра плеснуло на мотель, и стены задрожали.

Билл, брат Хэла, и жена Билла Колетт на следующий день встретили их у дяди Уилла и тети Иды.

– Тебе не приходило в голову, что смерть родных – довольно паршивый повод для возобновления семейных связей? – спросил его Билл с легкой ухмылкой. Его назвали в честь дяди Уилла. Уилл и Билл, чемпионы родео, говаривал дядя Уилл и трепал Билла по голове. Одно из его присловий... вроде того, что ветер свистит, а самого простого мотивчика не высвистит. Дядя Уилл уже шесть лет как умер, и тетя Ида жила здесь одна, пока на прошлой неделе инсульт не свел ее в могилу. Внезапно, сказал Билл, когда позвонил

по междугородней, чтобы сообщить Хэлу об этом. Словно бы он мог предвидеть, словно кто-нибудь мог предвидеть. Умерла она совсем одна.

– Угу, – сказал Хэл, – это мне в голову приходило.

Они вместе поглядели на дом, в котором выросли. Их отец, торговый моряк, словно бы исчез с лица земли, когда они были еще совсем маленькими; Билл утверждал, что помнит его, хотя и смутно, но у Хэла никаких воспоминаний не сохранилось. Их мать умерла, когда Биллу было десять, а Хэлу восемь. Тетя Ида привезла их на междугородном автобусе, который останавливался в Хартфорде, и они выросли тут, и отсюда отправились в колледжи. Тут было родное место, по которому их томила ностальгическая грусть. Билл остался в Мэне и теперь был преуспевающим адвокатом в Портленде.

Хэл заметил, что Пит направился к ежевичнику с восточной стороны дома, разросшемуся в настоящие джунгли.

– Пит, держись оттуда подальше! – крикнул он ему.

Пит вопросительно оглянулся. Хэл ощутил нахлынувшую на него такую простую любовь к сыну... и внезапно снова подумал об обезьяне.

– Почему, папа?

– Там где-то заброшенный колодец, – ответил Билл. – Но провалиться мне, если я точно помню где именно. Твой папа прав, Пит, от этого места полезнее держаться подальше. Колючки тебя здорово изукрасят, верно, Хэл?

– Конечно, – ответил Хэл машинально.

Пит пошел назад, даже не оглянувшись, а потом направился вниз к галечному пляжику, где Деннис пускал рикшетом по воде плоские камешки. Хэл почувствовал, что ему немного отпустило сердце.

Возможно, Билл и правда забыл, где находится колодец, но под вечер Хэл безошибочно пробрался к нему через ежевику, которая рвала его старую спортивную куртку и старалась выцарапать глаза. Он дошел до места и, тяжело дыша, устоял на гнилые искривленные доски, прикрывавшие колодец. После недолгого колебания он опустился на колени (под ними словно треснули два выстрела) и сдвинул две доски в сторону.

Со дна этой влажной, выложенной камнями глотки на него смотрело тонущее лицо – вытаращенные глаза, гримасничающий рот. У него вырвался стон, еле слышный, кроме как в его сердце. Там стон был очень громким.

Его собственное лицо в темной воде.

Не морда обезьяны. На мгновение ему там почудилась морда обезьяны.

Он затрясся. Затрясся всем телом.

Я же бросил ее в колодец. Я бросил ее в колодец, Господи Боже, не дай мне сойти с ума. Я бросил ее в колодец.

Колодец высох в то лето, когда умер Джонни Маккейб, в тот год, когда Билл и Хэл приехали жить у дяди Уилла и

тети Иды. Дядя Уилл занял деньги в банке, чтобы пробурить артезианский колодец, и вокруг старого, выкопанного, густо разрослась ежевика. Старого высохшего колодца.

Но только вода вернулась. Как вернулась обезьяна.

На этот раз воспоминания взяли верх. Хэл сидел там, поникнув, позволяя им вернуться, пытаясь двигаться с ними, оседлать их, как пловец на доске оседлывает гигантскую волну, которая расплющит его, если он сорвется в нее, пытаясь вытерпеть их, чтобы они опять исчезли.

Он прокрался сюда с обезьяной на исходе того лета, и ягоды ежевики уже перезрели, и запах их был густым и липким. Никто не забирался сюда собирать ягоды, хотя тетя Ида иногда подходила к краю зарослей и собирала горсть-другую в свой передник. Но здесь они перезрели, и многие уже гнили, источая густую белесую жидкость, похожую на гной, а в высокой траве внизу сверчки тянули свою доводящую до иступления песенку: рииииии...

Колючки царапали его, усеивали точками крови щеки и голые руки. Он и не старался избегать их язвящих уколов. Он ослеп от ужаса – настолько ослеп, что чуть было не наступил на гнилые доски колодезной крышки, возможно, чуть было не провалился, не пролетел тридцать футов до илистого колодезного дна. Он замахал руками, удерживая равновесие, и новые колючки оставили на них свои клейма. Именно это воспоминание толкнуло его так резко остановить Пита,

заставить мальчика вернуться.

Это был тот день, когда умер Джонни Маккейб, его лучший друг. Джонни взбирался по перекладинам в свой домик на дереве в их заднем дворе. В то лето они проводили много часов на дереве – играли в пиратов, наблюдали за выдуманными галеонами на озере, снимали пушки с передков, брали в рифы стакселя (что бы это ни значило), готовились к абордажу. Джонни карабкался вверх в древесный домик, как карабкался тысячи раз до этого, и перекладина прямо под люком древесного домика сломалась у него в руках, и Джонни пролетел тридцать футов до земли и сломал шею, и все это подстроила обезьяна, обезьяна, чертова мерзкая обезьяна. Когда зазвонил телефон, когда рот тети Иды разинулся и округлился от ужаса, пока ее подруга Милли, жившая дальше по улице, рассказывала ей о случившемся, когда тетя Ида сказала: «Пойдем на веранду, Хэл, случилось очень страшное...», он подумал с тошнотворным ужасом: *Обезьяна! Что натворила обезьяна теперь?*

В тот день, когда он бросил обезьяну в колодец, его лицо не отразилось на дне колодца, не было стиснуто там – только бульжники да вонь илистой сырости. Он посмотрел на обезьяну, лежащую на жесткой траве, которая пробивалась между плетями ежевики, – тарелки разведены в готовности, огромные зубы скалятся между растянутыми губами, мех с чесоточными проплешинами там и сям, мутные стеклянные глаза.

«Ненавижу тебя!» – прошипел он ей, обхватил пальцами мерзкое туловище, почувствовал, как проминается мех. Она ухмылялась ему, когда он поднес ее к лицу. «Ну давай! – подначил он ее, уже плача – впервые за этот день. И встряхнул ее. Тарелки в ее лапах задрожали мелкой дрожью. Обезьяна портила все хорошее. Все-все. – Ну давай же, брякни ими! Брякни!»

Обезьяна только ухмылялась.

– Давай, брякай!!! – Его голос стал пронзительным, истерическим. – Трусишь, трусишь! Давай брякай! Слабо тебе! СЛАБО ТЕБЕ!

Ее коричневато-желтые глаза. Ее огромные злорадные зубы.

И тогда он швырнул ее в колодец, сходя с ума от горя и ужаса. Он увидел, как в падении она перекувырнулась – ма-кака-акробат в обезьяньем цирке, и солнце в последний раз блеснуло на этих тарелках. Она громко ударилась о дно, и, наверное, удар включил механизм – внезапно тарелки забрякали. Их размеренное жестяное бряканье донеслось снизу до его ушей, жутким эхом отдаваясь в каменной глотке мертвого колодца: *блям-блям-блям-блям...*

Хэл прижал ладони ко рту и на мгновение увидел ее там – возможно, только глазами воображения... лежит в иле, глаза свирепо глядят вверх на маленький овал мальчишеского лица, наклоненного над краем колодца (чтобы навсегда его запомнить?), губы раздвигаются и сужаются вокруг скаля-

щихся в ухмылке зубов, тарелки брякают, смешная заводная обезьянка.

Блям-блям-блям-блям, кто умер? Блям-блям-блям-блям, это Джонни Маккейб падает, широко раскрыв глаза, проделывая такой же акробатический кувырок в солнечном воздухе летних каникул, все еще сжимая в руках обломившуюся перекладину, – чтобы удариться о землю с коротким сухим и злым треском, и кровь брызжет из его носа и широко раскрытых глаз? Это Джонни, Хэл? Или это ты?

Со стоном Хэл сдвинул доски над провалом, не обращая внимания на вонзающиеся в руки занозы, заметив их много позже. Но все равно он слышал, даже сквозь доски, приглушенный и оттого почему-то еще более жуткий лязг: там внизу, в замкнутой камнями тьме, она все еще брякала тарелками и дергалась омерзительным телом, а звуки доносились снизу, будто звуки во сне.

Блям-блям-блям-блям, кто умер на этот раз?

Он с трудом продрался назад сквозь плети ежевики. Колочки деловито наносили новые вздувающиеся кровью черточки на его лицо, а репейник вцепился в отвороты его джинсов, и он растянулся во весь рост на земле, а в ушах у него брякало, будто обезьяна нагоняла его. Позднее дядя Уилл отыскал его в гараже – он сидел на старой крышке, горько рыдая, и дядя Уилл решил, что он плачет из-за смерти своего друга. Так оно и было, но плакал он и из-за пережитого ужаса.

Обезьяну он бросил в колодец днем. А вечером, когда сумерки смешались с колышущейся дымкой наземного тумана, машина, мчавшаяся чересчур быстро для такой ограниченной видимости, переехала на дороге кота тети Иды и укатила, даже не притормозив. Кишки размазались повсюду. Билла стошнило, но Хэл только отвернул лицо, бледное окаменевшее лицо, услышав рыдания тети Иды (такое добавление к смерти сыночка Маккейбов вызвало припадок плача почти истерический, и прошло чуть не два часа, прежде чем дядя Уилл ее наконец успокоил), словно бы доносящиеся откуда-то издалека. Его сердце переполняла холодная ликующая радость. Очередь была не его. Погиб кот тети Иды, а не он, не его брат Билл или его дядя Уилли (просто два чемпиона родео). А теперь обезьяны больше нет, она в колодце, и один паршивый кот с ушами, полными клещей, – не такая уж большая цена. Если обезьяна захочет бряцать своими адскими тарелками, пусть ее! Пусть бряцает, пусть брякает для ползающих там козявок и жуков, для темных тварей, которые выбрали своим домом каменную глотку колодца. Она умрет там. В иле и темноте. Пауки соткут ей саван.

* * *

Но... она вернулась.

Медленно Хэл снова закрыл колодец, точно так же, как в тот день, и в ушах у него зазвучало призрачное эхо обе-

зьяньих тарелок: *Блям-блям-блям-блям, кто умер, Хэл? Может, Терри? Деннис? Может, Пит, Хэл? Он же твой любимчик, верно? Так это он? Блям-блям-блям...*

– Положи сейчас же!

Пит вздрогнул, уронил обезьяну, и на Хэла навалился кошмар: значит, опять, значит, толчок приведет механизм в действие и тарелки начнут греметь и лязгать.

– Папа, ты меня испугал.

– Извини. Я просто... Я не хочу, чтобы ты играл с ней.

Они ведь пошли в кино, и он думал, что вернется в мотель раньше них. Но он оставался в старом родном доме дольше, чем ему казалось; бывшие ненавистные воспоминания словно пребывали в своей собственной зоне вечного времени.

Терри сидела возле Денниса и смотрела серию «Придурков из Беверли-Хиллз». Она вглядывалась в старую рябящую ленту с глубокой, дурманной сосредоточенностью, указывающей на недавно проглоченную таблетку валиума. Деннис читал рок-журнал с «Культуристским клубом» на обложке. А Пит сидел по-турецки на ковре и возился с обезьяной.

– Она все равно не заводится, – сказал Пит. «Так вот почему Деннис отдал ее ему», – подумал Хэл, его охватил стыд, и он разозлился на себя. Все чаще и чаще он испытывал приливы необоримой враждебности к Деннису, а потом чувствовал себя мелочным, сварливым... беспомощным.

– Да, – сказал он. – Она старая. Я ее выброшу. Дай ее мне.

Он протянул руку, и Питер тревожно отдал ему обезьяну. Деннис сказал матери:

– Папаша заделался хреновым шизофреником.

Хэл оказался на другой стороне комнаты, даже не осознав, что сделал первый шаг, сжимая в руке обезьяну, которая ухмылялась с явным одобрением. Он вытащил Денниса из кресла за ворот рубашки. С мурлыкающим звуком лопнул какой-то шов. Потрясение на лице Денниса выглядело почти комичным. «Рок-волна» полетела на пол.

– Э-эй!

– Пойдешь со мной, – свирепо сказал Хэл, таща сына к двери смежной комнаты.

– Хэл! – почти взвизгнула Терри. Пит только вытаращил глаза.

Хэл протащил Денниса через дверь, захлопнул ее, а потом с силой прижал к ней сына. Вид у Денниса стал испуганным.

– У тебя со ртом непорядок, – сказал Хэл.

– Пусти! Ты мне рубашку порвал, ты...

Хэл снова ударил сына спиной о дверь.

– Да, – сказал он, – большой непорядок. Ты этому в школе научился? Или на задворках для курящих?

Деннис виновато побагровел, и лицо у него безобразно исказилось.

– Я бы не учился в этой говенной школе, если бы тебя не выгнали! – выкрикнул он.

Хэл еще раз стукнул Денниса спиной о дверь.

– Меня не выгнали, а уволили по сокращению штатов, и ты это знаешь, и я обойдусь без твоих дерьмовых прохаживаний на мой счет. Ах, у тебя трудности? Добро пожаловать в мир, Деннис. Только не сваливай их все на меня. Ты сыт. Задница у тебя прикрыта. Тебе двенадцать лет, и в двенадцать лет... я не... намерен... терпеть твое... дерьмо.

Паузы ложились на рывки, которыми он притягивал мальчика к себе, пока их носы почти не соприкоснулись, а потом опять ударил его спиной о дверь. Не так сильно, чтобы причинить вред, но Деннис перепугался – отец ни разу его не трогал, с тех пор как они переехали в Техас, – и он заплакал, захлебываясь в громких, отрывистых здоровых рыданиях маленького мальчика.

– Ну, давай, избежь меня! – крикнул он Хэлу, и его в красных пятнах лицо искривилось. – Избежь, если хочешь, я же знаю, до чего ты меня, хрен, ненавидишь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.